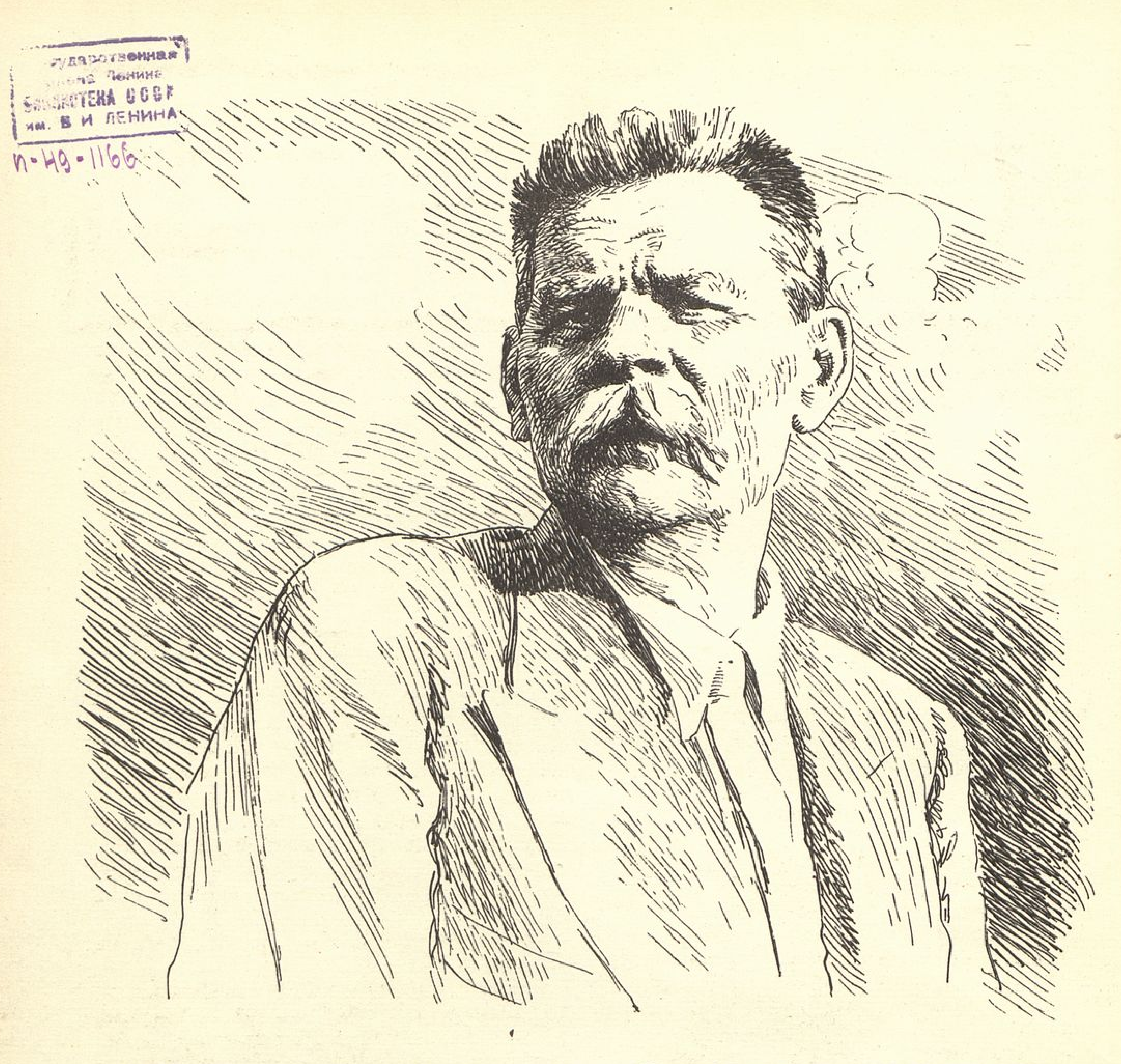

МУРЗИЛКА
N-4
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
АПРЕЛЬ
1948

80 лет назад, 28 марта 1868 года, родился великий русский писатель Максим Горький (Алексей Максимович Пешков).

Горький рано осиротел. До десяти лет он учился в школе, потом ему пришлось самому зарабатывать на хлеб.

Пройдя пешком из края в край русскую землю, хорошо зная трудную жизнь народа, Горький писал обо всём этом в своих книгах. Он звал народ на борьбу и с радостью ждал революцию.

Царское правительство преследовало Горького как писателя-революционера. Не раз он сидел в тюрьмах, но голос борца доходил и сквозь толстые каменные стены.

Максим Горький всегда любил детей, помогал им учиться, гулял с ними по лесам, выдумывал для них сказки, устраивал ёлки. После революции тысячи советских ребят переписывались с Горьким.

«Что такое пионеры? — писал Горький. — Пионерами были названы люди, которые заселяли новые, только что открытые земли. Пионерами называют многих знаменитых работников науки... Владимир Ленин, первый, кто смело повёл рабочий класс по дороге, указанной Марксом, тоже может быть назван пионером».

Максим Горький с гордостью носил красный галстук, подаренный ему пионерами.

М. ГОРЬКИЙ

ВОРОБЬИШКО

У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодёжь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда.

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив-ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал:

«Чем чванятся — червяка с ножками дали, — чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем? Чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! и слопает, — объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что? Что?

— Ветер дунет на тебя — чирк! — и сбросит на землю — кошке, — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, махает руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить — это плохо кончится. Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

— Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут. Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на серых ножках и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз, и — на окне! Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что? Ч-то?

— Ну, что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мя-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

В ГОРАХ

Велика и богата родина, наша родная земля. От края до края в её широких просторах радостно шумят зелёные леса, текут могучие светлые реки, сияют серебряные озёра. Бескрайною далью — до синего моря — раскинулась плодородная степь.

За лесами и степью, за серебряной гладью озёр и рек, за песчаной золотой пустыней, в разных краях нашей страны возносятся в небо высокие горы. Издалека, за десятки и сотни километров, видны покрытые снегом, окружённые облаками, сверкающие на солнце вершины сказочного синего Алтая, сурового каменного Урала, солнечного весёлого Кавказа, снежного Памира и голубого поднебесного Тянь-Шаня.

Над вершинами скал и гор, распластав крылья, пролетают орлы, кружат над пропастями стервятники—грифы. В густых горных лесах одиноко бродят медведи, скрываются чуткие олени. На скалистых хребтах, на недоступных пустынных пастбищах пасутся круторогие туры, обитают редкостные горные бараны — архары.

Чист и прозрачен воздух в горах.

Бурные реки стремятся в тёмных ущельях, громко звенят ледяные ручьи. Страшно стоять на берегу горного потока, где у ног путешественника, весь в белой пене, в тёмную пропасть свергается грозный седой водопад.

Широкие дороги проложены у основания гор. Здесь, в цветущих многолюдных долинах, раскинулись большие селения, строятся новые города, дымят заводы, празднично зеленеют виноградники и сады. На обширных плодородных полях и равнинах, покрытых богатым урожаем, радостно трудятся люди.

По извилистым тропинкам над глубокими пропастями, по крутым каменным обрывам поднимаются путешественники и охотники в горы. Связавшись крепкой верёвкой, осторожно перебираются они через глубокие трещины, карабкаются на высокие отвесные скалы.

Страшны снежные обвалы в горах. Непроходимы высокие ледники, опасны бездонные пропасти. Но, презирая опасности, смело поднимаются путешественники к горным вершинам.

С каждым шагом раскрываются перед ними удивительные картины.

Вот на глазах путешественников пробирается по горному крутому откосу медведь. С непостижимой ловкостью хватается Мишка за острые камни. Куда прокладывает он себе дорогу, по каким делам?

Вот легконогие серны пасутся в покрытой цветами горной долине. Издали они кажутся светлыми камнями, рассыпанными по зелёному скату.

Вот молодой барс попался в железный капкан. Надо много смелости и ловкости, чтобы взять его живьём.

А у самой границы вечных снегов, на головокружительной высоте, движется стадо архаров. Охотникам трудно приблизиться к сторожким животным. Надо уметь выслеживать, прятаться, незаметно припадать к земле.

Шаг за шагом осторожно подкрадываются охотники к чуткому стаду архаров. Но недолго можно любоваться редкостными животными. Почуяв опасность, с необыкновенной лёгкостью мчатся архары по краю головокружительного обрыва, через пропасти, темнеющие своей глубиною...

Поздней осенью в долинах Тянь-Шаня охотятся с ловчими птицами — орлами-беркутами.

Киргизы-охотники едут по горной степи, заросшей высокой травой. Ловчая птица сидит на руке охотника-«беркутчи».

Маленькие степные зайцы выскакивают из-под ног лошади. Охотники не обращают на них внимания. Но вот из дневного логова выбежала лисица. Охотники видят огненный хвост, рыжую спину. Придержав лошадь, быстрым движением сбрасывает охотник с головы птицы кожаный колпачок.

Почуяв свободу, орёл раскрывает крылья. Зоркие глаза птицы в одно мгновение находят скрывшегося в траве зверя. Взмахнув могучими крыльями, взмывает он над степью.

С гиком скачут охотники к добыче. Крепко держа в когтях лису, гордо и спокойно смотрит на приближающихся всадников грозный орёл.

С притороченной к седлу добычей едут охотники дальше по обширной серебристой степи, окружённой цепью сверкающих гор.

ВЕСНОЙ

Золотое солнце марта
Вижу через стёкла я.
Стала сразу тёплой парта,
И тетрадка тёплая!

Это — в марте.
А в апреле
Будут звонкие капели,
И напомнит о весне
Муха сонная в окне.

Птичьи стаи друг за другом
Возвращаться станут с юга.

Лёд заплачет, скажет: «Дожил...»
Забурлит, звеня, река,
И уронят первый дождик
Грозовые облака.

Ну, а в мае —
с флагом красным
Мы пойдём смотреть парад.
Небо в мае будет ясным,
Самолёты полетят.

Будет музыка греметь,
И сверкнёт на трубах медь,
Словно солнце вниз спустилось,
Чтоб на трубах посидеть,

Чтобы вместе с нами в ряд
Тоже выйти на парад!

Е. Стюарт

КОЛОСОК

ВЯЧ. ЛЕБЕДЕВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Весь колхоз волновался за Катю Молчанову, волновались и ребята: Катя дала обязательство товарищу Сталину вырастить и собрать с каждого гектара по тридцать центнеров пшеницы. Это нешуточное дело. По сорок огромных мешков зерна, по сто восемьдесят пудов с каждого гектара обещала собрать Катя Молчанова. А поле у Катиного звена было не маленькое — семь гектаров.

Ещё в марте, как только повеяло весной, Катя с подругами начала мыть своё посевное зерно горячей водой.

— Протравливаем... От грибка-головни, от плесени отмываем, — пояснила Катя ребятам, которые с любопытством смотрели на её работу.

Потом Катя стала проверять, какая у зерна всхожесть: оказалось — из каждых ста зёрен девяносто семь всхожие, надёжные, дали росток.

Сбросили поля снег, подёрнулись тёплым паром, как дымком голубым. Грачи по полям запрыгали. Настал час сеять. Но вот видят ребята — опять взялась Катя с подругами за своё зерно. Девушки смочили его, дали зерну согреться и всё его лопатами ворошат.

— Что ты, Катя, с зерном опять делаешь? — снова пристали к ней ребята.

Катя улыбнулась:

— Тороплю его, чтобы поскорей росло.

Вот и сев начался.

Засеяли поле сеялкой, да не просто, а вперекрёст: сперва прошла сеялка вдоль всего поля, а потом — поперёк. Значит, вдвое больше получилось рядков, вдвое больше и всходов взошло...

Когда появились всходы, ещё больше стало у Кати и её подруг работы. Хоть и частая, густая взошла пшеница, вроде как и места среди неё для сорняков не осталось, всё-таки весь июнь трудились девушки, дважды пропалывали поле от сорных трав.

Но вот заколосилась высокая пшеница. Казалось бы, конец заботам. Нет, куда там! Во все глаза следит Катя, не появилась бы ржавчина. А когда зацвело неприметным, мелким своим цветом красивое, словно атласное, пшеничное поле, ещё одну важную работу провели девушки: они перекинули через поле длинную верёвочку, туго её натянули и несколько раз прошлись этой туго натянутой бичёвкой по верхушкам стеблей, по цветущим колоскам поля, чтобы помочь пшенице получше опылиться, чтоб ни один колосок не остался без зёрнышек...

Ну, уж теперь, кажется, можно вздохнуть спокойно. Нет, новое беспокойство охватило девушек: а вдруг да град ударит, побьёт, или мошка-зерноедка нападёт, или мыши полевые набедокурят?

Стоит пшеница, колышется тугим высоким колосом во весь Катин рост. Любо-

дорого смотреть на пшеничное поле, а сердце всё боится радоваться. Каков-то сбор будет да обмолот?

Началось, наконец, жнитво.

Сжали подруги своё поле, как бритвой выбрили, видимо-невидимо суслонов наставили...

И вот наступило для Кати самое главное: свезли пшеницу на ток, сложили в огромную отдельную скирду и начали молотить на молотилке.

Сама не своя ходит Катя возле молотилки, веничком ток подметает, следит, чтоб ни одно зерно не пропало при обмолоте. И все подруги её по звену — так же.

Стучит моторчик, трещат барабаны в молотилке, льётся в подставленные мешки душистое крупное зерно.

Видят ребята, что Катя каждым колоском, каждым зёрнышком дорожит, и пришла им, ребятам, мысль:

— Давайте-ка сбегаем на Катино поле да обшарим его от конца до конца; может, ещё колосков насобираем, которые случайно там остались...

Сказано — сделано: побежали ребята дружной стайкой на поле.

Большое поле, обшарить его нелегко. Но уж искать, так искать: чтоб ни одна ямка не осталась неосмотренной!

Вытянулись ребята в цепочку по одному краю поля и двинулись к другому краю, да не просто, а кругами.

Ищут и перекликаются:

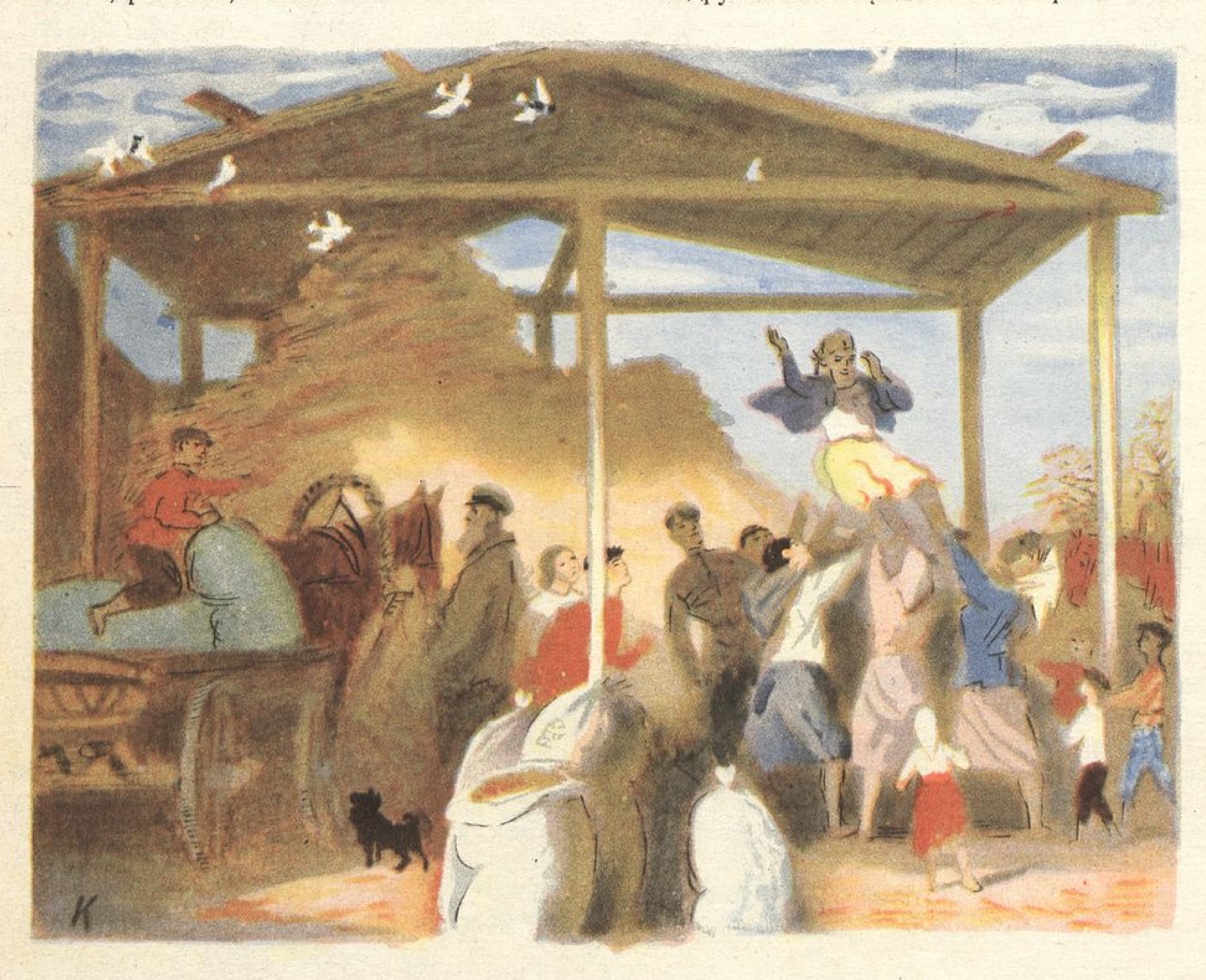
— Миша, нашёл что-нибудь? Лена, нашла?

Полчаса ищут, осматривают поле, ничего не находят; час ищут — то же самое.

Начали ребята удивляться:

— Вот так убрано поле! Ни одного колоска не осталось.

Вдруг Лена обрадованно закричала:

— Колосок! Колосок!

Все ребята сбежались на колосок посмотреть. Хороший колос — тугой, тяжёлый. Сорок зёрен в нём ребята насчитали.

Так и понесли этот колосок в деревню.

Несла его Лена, из рук не выпускала, никому не хотела отдать драгоценный этот колосок.

Подошли к току и видят: вот диво! Катю Молчанову качают девушки и все колхозники и даже «ура» кричат.

— Ура Кате! Выполнила своё обещание! Поздравляем!

Оказалось, обмолотили всю Катину пшеницу, и вышло зерна как раз столько, сколько Катя собрать обещала, — по тридцать центнеров на гектар.

Стоят ребята и тоже радуются. А что с колоском делать — не знают: как бы не обиделась Катя, если ей показать.

Но Лена всё-таки расхрабрилась, подошла к сияющей от радости Кате Молчановой, протянула ей колосок и говорит:

— Вот, Катя, тебе ещё один колосок. Это пусть будет твоё перевыполнение... Это мы на твоём поле нашли, один колосок.

Засмеялись тут все — и Катя, и остальные. Обняла Катя Лену, расцеловала её, а колосок взяла себе на память о славном, хотя и трудном, лете.

ЗДЕСЬ БУДЕТ САД

Здесь будет сад, здесь будет сад! —
Так порешила вся дружина.
И заступы уже гремят,
И трудно поддаётся глина.

Пускай лопата тяжела —
Никто и виду не покажет.
Где свалка старая была,
Здесь скоро тень от яблонь ляжет.

Пусть не поверят, что пустырь
Когда-то был за школой сзади.
Сюда смородины кусты,
А здесь крыжовник мы посадим.

И будет сад шуметь всегда,
Зелёный, солнечный, весёлый.
И будет долгие года
Гордится садом наша школа.

Юрий Яковлев

С. МАРШАК

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА

Под шатром широким кругом
Мчатся кони друг за другом,
Стройные, точёные,
Сбруи золочёные.

Едут девочки в санях,
Руки в муфты прячут.
А мальчишки на конях
Перед ними скачут.

Едут девочки в санях,
Лаковых, узорных.
А мальчишки — на конях,
Серых или чёрных.

— Вот я шпоры дам коню,
Ваши санки догоню!
— Не гоните вы коня,
Не догоните меня!

В блеске пёстрых фонарей,
Под напев шарманки
Пролетают всё быстрей
Всадники и санки.

А кругом бегут дома,
Тумбы и панели,
Площадь движется сама
Вроде карусели.

А. НЕКРАСОВ

Вот плывёт кит — самый большой зверь на свете. Он в 30 раз больше слона. С виду кит похож на огромную рыбу, но это вовсе не рыба. Хоть он и живёт в воде, кровь у него горячая, детёнышей он кормит молоком, а дышит воздухом. Раза три в час он непременно поднимается из глубины. Всплывёт, вздохнёт, да так, что слышно за километр, а видно ещё дальше. Воздух с такой силой вырывается из легких огромного зверя, что поднимает высокий фонтан водяных брызг.

Вот этим и пользуются китобои: как заметят фонтан кита — скорее плывут туда, и начинается необыкновенная охота.

Посмотри внимательно: видишь, пушка стоит на носу маленького китобойного судна? Из этой пушки стреляют особым снарядом — гарпуном. Гарпун так устроен, что тянет за собой длинный прочный канат.

На мачте китобойного судна приделана узкая бочка. Зоркий моряк уже заметил оттуда новый фонтан. Китобои управятся с одним китом и

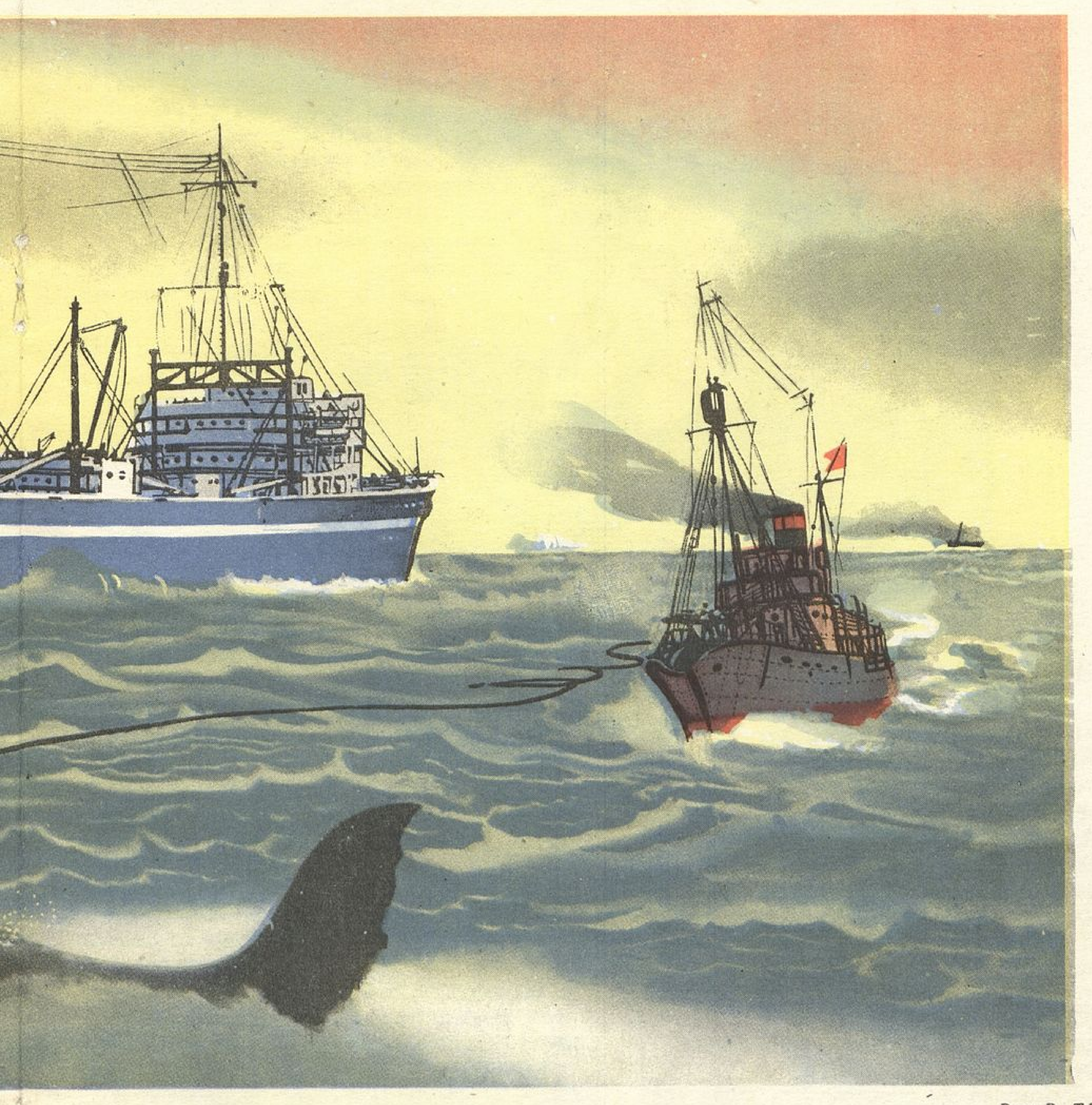

Рис. В. ТАМБИ

пойдут догонять другого. Потом соберут в море добычу и поведут на буксире к китобойной базе.

Большой двухтрубный корабль — это и есть советская китобойная база «Слава». Командует ею знаменитый полярный капитан Владимир Иванович Воронин.

В корме корабля, как раз под надписью «Слава», устроены ворота и стальная горка. Сюда подводят кита, обвязывают цепями за хвост и целиком втаскивают на палубу.

А на палубе сразу включают разные машины, режут тушу, растаскивают в стороны куски сала, мяса и костей, сбрасывают в горловины огромных мясорубок и загружают в котлы.

За полтора-два часа от огромного зверя на палубе и следа не останется. Зато в трюмах «Славы» прибавятся тысячи килограммов дорогого китового жира, сотни ящиков вкусных мясных консервов и десятки мешков кормовой муки для скота.

УГОЛЁК

Я. ТАЙЦ

Рис. В. ГОРЯЕВА

Уголёк только что перешёл в пятый класс. По-настоящему его зовут Игорёк, Игорь Касьянов, но ребята переделали по-своему, потому что он маленький и смуглый, как уголёк.

Он сидит за одной партой с Витей Чугуновым. А Витя Чугунов в пятом «В» самый старший, самый сильный и самый драчливый. Он второгодник. На экзамене он в изложении сделал очень много ошибок, и учительница, конечно, выставила ему двойку. За это Чугунов её невзлюбил. Вот он сидит на переменке рядом с Угольком и поучает его:

— Которая по русскому, та хуже всех. С виду будто добрая, а на самом деле—ох и сердитая! Чуть что не так — двойка, зови отца!

— У меня отца нет: он на фронте погиб, — говорит Уголёк.

— Тогда — мать!

— А мать на Север поехала, с экспедицией. Мы с бабушкой живём.

— Она и бабушку вытащит! Только ты ей не поддавайся. А не то — во, видал? — И Чугунов поднёс свой увесистый кулак к самому носу Уголька.

Но тут раздался звонок. Перемена окончилась. Дима Пискарёв выглянул в коридор и закричал:

— Внимание! На горизонте — русский устный! — И побежал на своё место.

За дверью послышались частые легкие шаги, и в класс вошла Ольга Ивановна.

Все встали. А Чугунов нехотя, еле-еле приподнялся, да так и остался стоять в согнутом положении.

— Что с вами, Чугунов? — спросила Ольга Ивановна. — Спина болит?

Все засмеялись. Чугунов покраснел, надулся, но выпрямился.

— Вот это другое дело. Здравствуйте! Садитесь! Сегодня мы с вами займёмся разбором предложения по частям речи.

Ольга Ивановна повернулась к доске и стала крупным, красивым почерком выводить:

МУЖЕСТВО ПРОЯВЛЯЕТСЯ...

И вдруг в классе раздался негромкий протяжный свист.

Ольга Ивановна сразу обернулась и, не отнимая мелка от доски, стала оглядывать ребят. Вот Пискарёв Дима, Лукин Федя, Чугунов Витя, Касьянов Игорь...

Чёрные глаза Уголька встретились с глазами учительницы. Он подумал:

«А что, если она сейчас спросит: «Касьянов, вы не видели, кто свистел?» Что ей сказать? Скажу: «Нет, не видел».

Но Ольга Ивановна ничего не спросила. Она молча смотрела на ребят. Наконец она сказала:

— Пятому классу пора знать, что на уроках свистеть нельзя. Пятому классу пора знать, что учитель ведёт урок по плану. Понятно?

— Понятно! — ответили ребята.

Ольга Ивановна повернулась к доске и снова начала писать:

МУЖЕСТВО ПРОЯВЛЯЕТСЯ В БОЛЬШОМ И В...

Но тут опять раздался свист. Ещё громче прежнего.

Уголёк даже вздрогнул. Что же теперь будет? Неужели учительница это стерпит?

Ольга Ивановна дописала слово «малом», поставила точку, положила мелок на полку, вытерла тряпочкой руки и подошла к столу:

— Кто свистел?

Класс молчал. Молчал, потому что никто не знал, кто свистел. Это знал только один Уголёк. Поэтому он старался не смотреть в глаза учительнице, а смотрел куда-то вбок, в угол.

Учительница тихо, раздельно сказала:

— Кто свистел — немедленно встань!

Все стали оглядываться. Всем интересно было, кто встанет. Но никто не поднимался.

В классе наступила тишина. Ольга Ивановна молча смотрела на ребят. Тонкие брови её сдвинулись.

Дима Пискарёв не выдержал:

— Ладно, ребята, признавайся, чего там!

Никто не отозвался.

Ольга Ивановна подождала ещё немного, потом снова вытерла пальцы, повернулась и, ни слова не говоря, вышла из класса.

Этого никто не ожидал. С минуту все молчали. Потом Дима Пискарёв сказал:

— Эх, мы! Ольгу Ивановну обидели!

Тут все сразу стали шуметь:

— Кто, ребята?

— Говори!

— Признавайся!

Лукин Федя сказал:

— Это Чугунов, наверное! Больше некому!

А Чугунов поднялся во весь рост и грозно крикнул:

— А ты видал, да?

— Хоть не видал, но...

— Ну так помалкивай!

Дима горячился:

— Эх, знать бы кто, уж я бы ему!..

Уголёк тихо сказал:

— Чугун, сознайся, а?

— Ещё чего! Ты смотри у меня, держи язык! А не то...

Вдруг распахнулась дверь, и на пороге пятого «В» показался сам Сергей Сергеевич, завуч, — высокий, седой, в военной гимнастёрке.

Все дружно встали. Проворней всех вскочил Чугунов.

Сергей Сергеевич оглядел класс, посмотрел на доску и сказал:

— Один из вас совершил отвратительный поступок. Но это ещё с полбеды. Он боится сознаться — вот это уже настоящая беда!

Сергей Сергеевич заложил руку за широкий ремень и покачал головой:

— Да разве вам, советским школьникам, к лицу трусость! Вы и предложение такое разбираете...

Он показал на доску и вслух прочитал:

— «Мужество проявляется в большом и в малом». А что такое мужество?

И тут из глубины класса раздался голос Уголька:

— Это... это имя существительное... Отвечает на вопрос: кто, что...

— Это вы потом, — усмехнулся Сергей Сергеевич, — с Ольгой Ивановной будете... А сейчас мы говорим о значении этого слова. Кто скажет? Ну, хотя бы вы, Чугунов!

Чугунов замялся:

— Это когда на войне... наши бойцы... ничего не боялись... как герои, всё равно...

— Так. А в мирное время?

— Я знаю, — сказал Уголёк. — Вот на Севере — там льды, торосы такие, там надо мужество...

— Нет, я говорю, у нас, в школе, — сказал Сергей Сергеевич. — Вот наш ученик боится сознаться в своём проступке. Чего ему нехватает?

— Мужества! — в один голос сказали Уголёк и Дима Пискарёв.

— Верно. Он трус. А труса можно покрывать? Как, по-вашему?

Класс молчал.

Вдруг Чугунов басом сказал:

— А... а товарищей выдавать нельзя!

— Так то товарищей, — подхватил Сергей Сергеевич, — они сообща к одной цели идут. И назвать того, кто мешает им, — это и значит выручить своих товарищей. Правда, для этого подчас опять-таки требуется мужество.

Он задумался и, словно вспоминая что-то, сказал:

— А ведь мужество советских людей, ребята, оно на весь мир прославилось!

Уголёк внимательно слушал Сергея Сергеевича. Он стоял возле рослого, плечистого Чугунова и думал:

«Я знаю, кто свистел, а сам молчу. Боюсь! Боюсь, что меня поколотят, боюсь, что задразнят. И выходит, что я тоже трус!»

Угольку было очень обидно думать так о самом себе. Он всё переминался с ноги на ногу, потом тихонько дёрнул Чугунова за рукав:

— Чугун, сознайся!

— Отстань! — зашипел Чугунов. — Замри!

— А ты сознайся!

— Отстань, не то худо будет! — И Чугунов украдкой показал Угольку кулак.

Вдруг Сергей Сергеевич спросил:

— Чугунов! О чём вы там шепчетесь с Касьяновым?

— Да всё о том же, — растерялся Чугунов.

— О чём?

— О том, кто свистел.

— Ну?

— Ну, Сергей Сергеич, если бы голос, тогда можно узнать... А то свист. По свисту нипочём не угадать, Сергей Сергеич!

Тут уже Уголёк не вытерпел. Он стал сильней дергать Чугунова:

— Говори, ну! А не скажешь, тогда я сам. Слышишь?

— Что?!

— Вот тебе и что! Сейчас же говори!

И Уголёк стал медленно-медленно поднимать руку.

Чугунов ущипнул Уголька за ногу. Но

Уголёк руки не опустил, и Сергей Сергеевич заметил её.

— Вы что, Касьянов?

Чугунов стал ещё сильней щипать Уголька, но Уголёк всё стерпел и громким, звенящим голосом сказал:

— Сергей Сергеич... сейчас... минуточку... — и стал толкать Чугунова: — Ну, говори, смелей, ну!

И тут наконец-то Чугунов, опустив голову, глухо сказал:

— Это я свистел... только я нечаянно!

* * *

Вот и всё. Можно добавить, что после уроков Чугунов во дворе налетел на Уголька:

— Ты что ж это, а? — и замахнулся было кулаком. Но тут весь пятый «В» зашумел:

— А ну, шагай отсюда! Свистун!

И Чугунов отступил. Он пошёл в учительскую, куда завуч велел ему притти. Не знаю, о чём они там говорили, а только назавтра Чугунов пришёл в класс раньше всех. И как только вошла Ольга Ивановна, он встал, вытянулся и сказал:

— Ольга Ивановна... вы это... простите... я... вы... никогда больше... вот честное слово, правда!

И повернулся к Угольку:

— Уголёк, дай руку!

— На обе! — сказал Уголёк.

...Теперь они попрежнему сидят рядом — рослый, плечистый Чугунов и маленький Уголёк.

КТО КАК

В. ЧАПЛИНА
Г. СКРЕБИЦКИЙ

Ласточка

Наступила весна, растаял снег. Из далёкой жаркой Африки вернулись ласточки-касатки и принялись устраивать под крышей гнездо для птенцов. Слетают на берег пруда или к речке, возьмут в клюв комочек глины и прилепят к стене. К этому комочку второй, третий... Так и слепят для птенцов глиняное гнёздышко.

Ласточка — птица полезная, она вредных насекомых ловит: комаров, мошек. Если свила она над вашим окном гнёздышко, берегите его.

Мышь-малютка

Среди высоких тонких стеблей травы качается крохотное гнёздышко. Оно чуть побольше грецкого ореха и круглое, как шарик; сбоку дырочка — вход в гнездо. Крепко приделано гнёздышко к травяным стебелькам, висит на них, от ветра покачивается. А тронешь его — из гнезда не птичка выпорхнет, а выскочит маленький рыжеватый зверёк — мышь-малютка. Это она и свила для своих мышат висячее гнёздышко.

Бобры

Нашли бобры глухую лесную речку и стали там на жильё устраиваться.

Запрудили бобры речку; разлилась она, целый пруд в лесу получился, а по берегу и на островках бобры из веток свои жилища-хатки устроили, будто шалашики.

В таких хатках бобры и зиму и лето живут, а как наступит весна, там у них и бобрята родятся.

Бобр — очень ценный зверь. Мех у него красивый, тёплый, пушистый.

СТРОИТСЯ

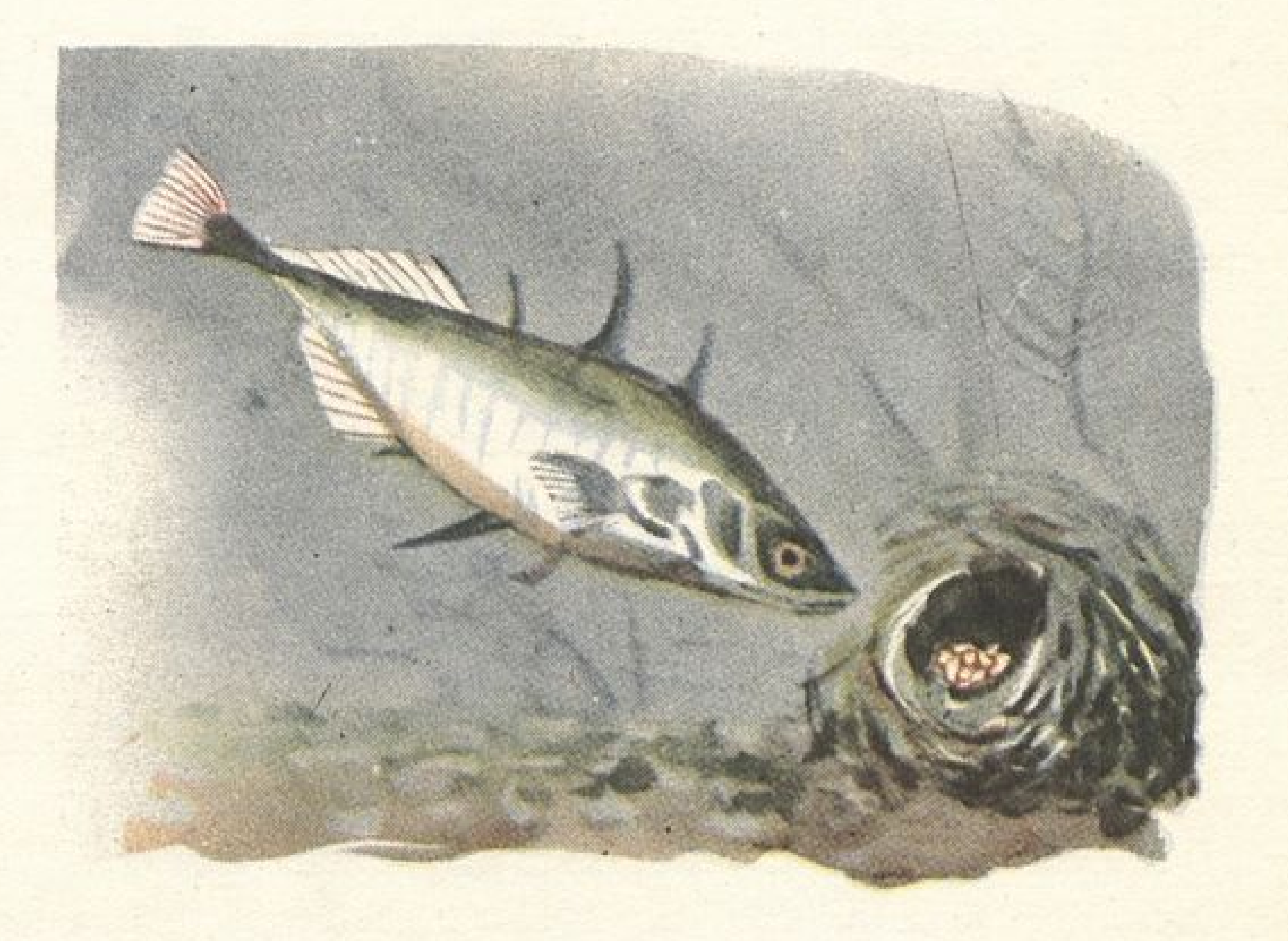
Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Кулик-зуёк

По берегу речки бегает маленькая длинноногая птичка — зуёк. Её всегда около речки увидеть можно. Там она червячков себе ищет, там и птенцов выводит.

Зуёк гнездо себе не строит. Найдёт ямку среди камешков да прямо туда и снесёт яички. А яички у зуйка пёстренькие, на речные камешки похожи; так похожи, что совсем рядом пройдёшь, и то не заметишь.

Колюшка

Гнёзда вьют не только птицы. Погляди — в тихом заливчике, у самого дна что-то темнеет среди зелёных подводных растений, будто их веточки перепутались в маленький клубочек.

Присмотрись хорошенько. Да это круглое, как шарик, подводное гнёздышко.

Свила его рыбка колюшка. В это гнёздышко колюшки свою икру отложат, и из неё их дети, новые рыбёшки, выведутся.

Охраняет такое подводное гнездо отец-колюшка. Он хоть и мал, а никого к своему гнезду не подпустит. Колюшка очень колючий.

Птица гага

Найдёт гага где-нибудь на берегу удобную ямку для гнезда и начнёт из своей груди пух выщипывать. Из этого пуха и устроит мягкое тёплое гнёздышко и яйца туда снесёт.

Гагачий пух — самый тёплый и самый лёгкий. Когда выведут гаги утят, пуховые гнёзда им больше не нужны. Тут приходят на берег люди, собирают из гагачьих гнёзд пух и делают из него разные тёплые вещи, такие тёплые, что в них даже в самый лютый мороз и то не холодно.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рис. І. НИКОЛЬСКОГО

СЫЧ-ВОРОБЕЙ

Ранней весной я возвращался с охоты. Я шёл по лесу знакомой дорогой, и в ночной темноте над моей головой послышался странный негромкий звук. Этот странный звук перемещался, — было похоже, что меня настойчиво преследует какая-то ночная неведомая птица. Чтобы приманить птицу, я стал подражать странному звуку. Невидимый провожатый откликался.

В тёмном лесу мне не удалось разглядеть таинственного провожатого, и, выйдя на лесную опушку, я остановился. На фоне звёздного неба рисовались чёрные ветви деревьев. Здесь, на краю леса, я надеялся увидеть незнакомую птицу.

Я стоял под деревьями, продолжая тихо манить. Небольшая тёмная тень пролетела над самой головой, бесшумно уселась на ветке. В ночной темноте трудно точно прицелиться. Я зарядил ружьё мелкою дробью и выстрелил наудачу.

После выстрела лес примолк. Я зажёг спичку, стал смотреть под деревьями. На засыпанном опавшею хвоей снегу, раскинув крылья, лежала маленькая серая птичка с круглой совиной головкой.

В подстреленной птичке я признал сыча-воробья. В наших лесах эта птичка встречается редко, а днём её трудно увидеть. Обычно она прячется в дуплах деревьев, а по ночам вылетает на охоту.

Дома я внимательно рассмотрел редкостную добычу. Сыч-воробей был немного больше обыкновенного воробья. Круглой головкой, ушами, острым и крючковатым клювом он напоминал своего бо́льшего собрата — обыкновенного лесного сыча.

Из шкурки сыча-воробья я решил сделать чучело для своего кабинета, в котором хранится множество добытых мною охотничьих трофеев.

Через несколько лет, зимой, мне пришлось проходить тем же лесом. На краю вырубки, возле только что срубленной и распиленной на дрова толстой осины, теплился огонёк, грелись и отдыхали знакомые колхозники-лесорубы.

— Погляди-ка, — сказали они, прикурив от моей трубочки, — и разгадай загадку...

В верхней части лежавшей на снегу распиленной и расколотой осины лесорубы показали выдолбленное дятлом дупло. Узкое круглое отверстие дупла, как крышей, было прикрыто большим грибом-наростом. В глубине этого покинутого дятлом дупла оказался склад продовольствия. Вытряхнув на снег содержимое, я насчитал шесть мёртвых клестов и одиннадцать замороженных мышей. Я хорошо знал, что многие животные, птицы и звери бережливо прячут свои запасы. Не раз в дуплах и под корнями деревьев мы находили наполненные отборны-

ми орехами лесные кладовые белок и бурундуков; сороки и сойки на моих глазах прятали в укромных уголках свою добычу. В подземных кладовых мышей хранятся многолетние запасы старательно высушенного сена и зерна. Обнаруженная лесорубами кладовая принадлежала какому-то хищнику, быть может, имевшему в лесу много таких складов.

Редкая находка очень меня заинтересовала. Кто мог убить и спрятать в птичьем дупле этих клестов и мышей?

Злейший лесной хищник — куница — не могла пролезть в узкое отверстие дупла. Маленькая ласка, промышляющая на земле под корнями, вряд ли решится забраться под вершину высокой гладкой осины.

Крепко задумавшись над трудной лесной задачей, я направился через лес к дому. Недалеко от поваленной осины слышались тревожные голоса птиц. Я узнал стрекотание сорок и хлопотливый крик соек.

Чтобы узнать о причине переполоха, я свернул с дороги и осторожно приблизился к лесной маленькой полянке. На острой еловой макушке сидел сыч-воробей. Множество лесных птиц его осаждало. При дневном свете он казался беспомощным, круглая совиная головка его хохлилась и медленно вращалась. Наверное, ослеплённому дневным светом маленькому ночному разбойнику пришлось бы совсем плохо, но он вдруг расправил крылья и, тихо и бесшумно планируя, нырнул под нижние сучки густой ёлки, почти у моих ног.

«Так вот кто жил в осиновом дупле, охотился и прятал свою добычу!» подумал я, заглядывая под густую зелёную ёлку.

Не сходя с места, я хорошенько рассмотрел плотно прижавшегося к стволу ёлки сыча-воробья и, осторожно протянув руку, быстро накрыл его шапкой.

Оказывается, сыча-воробья выгнали на дневной свет лесорубы, свалившие осину, и лесная загадка, которая так занимала меня, сама собой разрешилась. Маленький разбойник приносил и хозяйственно складывал свои продовольственные запасы в дупло осины. На клестов и мышей он охотился ночью, хватая спящих птичек на ветвях деревьев, и убивал их. Как все хищные совы, он отрывал у пойманных птичек головы и выщипывал крупные перья. Птицы знали его и ненавидели.

Дома я выпустил маленького разбойника в комнату и стал приручать. Он охотно брал застреленных воробьёв, а ночью сам ловил домашних мышей. Придерживаясь клювом, он, как попугай, лазил по моим книжным полкам, бесшумно летал по комнате. Иногда он присаживался на письменный стол и при свете ламп делал самые уморительные гримасы. Днём он обычно сидел под кроватью, забравшись в голенище старого валенка.

Весною сыч-воробей стал издавать те самые звуки, которые я нѐкогда услыхал в лесу. Звуки эти будили меня, но я скоро привык к ним, как мы привыкаем к обычным шумам и голосам. С наступлением весенней охоты эти звуки для меня стали необходимостью. Сыч-воробей будил меня, как верный будильник, и за всю весну я ни единого разу не проспал глухариного тока.

Н. ТИХАНОВ

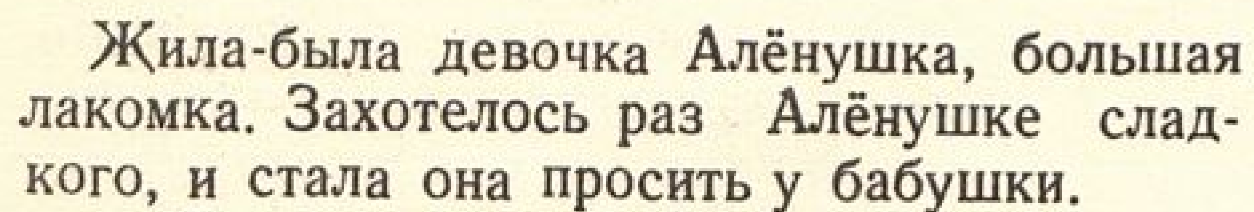
Рис. В. ЖИТЕНЁВА

АЛЁНУШКА-СЛАСТЁНУШКА

Сказка

Жила-была девочка Алёнушка, большая лакомка. Захотелось раз Алёнушке сладкого, и стала она просить у бабушки.

— Где же я тебе, Алёнушка, возьму сладкого? — говорит бабушка. — Разве вот у кота спросить?

— Котик, котик Васенька, носик у тебя красненький, лапки бархатные, принеси-ка Алёнушке сладкого.

Посмотрел кот на Алёнушку, жалко ему её стало. Почесал лапкой за ухом и куда-то убежал.

Принёс кот мышку и замурлыкал:

— Мур-мур, Алёнушка, я тебе принёс сладкое.

Посмотрела Алёнушка на мышку. Рассердилась на кота и залилась слезами.

— Убирайся ты, кот, со своей мышкой,— говорит бабушка, — Алёнушка хочет сладкого.

Испугался кот. Забился под кровать. Ждёт, что дальше будет.

— Кого же мне послать? — говорит бабушка. — Разве петуха попросить?

— Петя, петушок, золотой гребешок, маслена головушка, шёлкова бородушка, принеси Алёнушке сладкого.

Посмотрел петух на Алёнушку. Пожалел её и куда-то убежал.

Нашёл петух червяка и принёс Алёнушке.

— Ку-ка-ре-ку! Вот, Алёнушка, принёс я тебе сладкое.

Ещё пуще заплакала Алёнушка:

— Прогоните петуха!

Удивился петух. Обиделся. Пошёл к курам жаловаться.

— Кто же угодит Алёнушке-лакомке? — говорит бабушка. — Разве ещё Шарика позвать?

— Шарик, Шарик, ты повсюду рыщешь, шаришь, принеси-ка Алёнушке сладкого.

Обрадовался Шарик. Рад-радёхонек он услужить Алёнушке. Помчался на кухню и выпросил большую кость.

Принёс Алёнушке. Смотрит Алёнушке в глаза и от радости хвостом виляет:

— Гав-гав! Вот тебе, Алёнушка, хорошая косточка. Сам бы съел, да тебя жалко.

Увидала Алёнушка кость и ещё сильнее заплакала.

— Убирайся ты, Шарик, со своей костью, — говорит бабушка.

Обиделся Шарик, унёс косточку.

А бабушка уж и не знает, кого бы ей ещё послать за сладким.

Смотрит, коза с ободранным боком зашла во двор.

— Ты, коза ли дереза, полбока облуплено, не продана ты, не куплена, принеси-ка маленькой Алёнушке сладкого!

Мотнула коза головой рогатой и куда-то убежала.

Прибежала коза на новый мосточек, ухватила кленовый листочек и принесла его Алёнушке.

— Ме-ке-ке! Кушай, Алёнушка-сластёнушка, зелёный кленовый листочек. Он самый сладкий!

И смотреть не хочет Алёнушка на зелёный кленовый листочек. Плачет:

— А-а! Сладкого хочу-у-у!

Залетела на шум в комнату пчёлка.

Бабушка обрадовалась, кричит ей:

— Пчёлка, пчёлка золотая, ты везде у нас летаешь, принеси скорее Алёнушке медку!

— Зум-зум-зум, — прожужжала пчёлка, — так и быть, принесу я Алёнушке подарок.

Полетела пчёлка к себе в улей, захватила кусочек душистого тёплого мёда и принесла Алёнушке.

— Жу-жу-жу, Алёнушка! Я принесла тебе медку.

Обрадовалась Алёнушка и стала есть сладкий мёд.

— Как вкусно!

— Ешь на здоровье, Алёнушка-сластёнушка, — прожужжала пчёлка. — Съешь — я тебе ещё принесу.

— А где ты возьмёшь?

— Найду, не бойся, — цветы дадут.

И полетела пчёлка за мёдом.

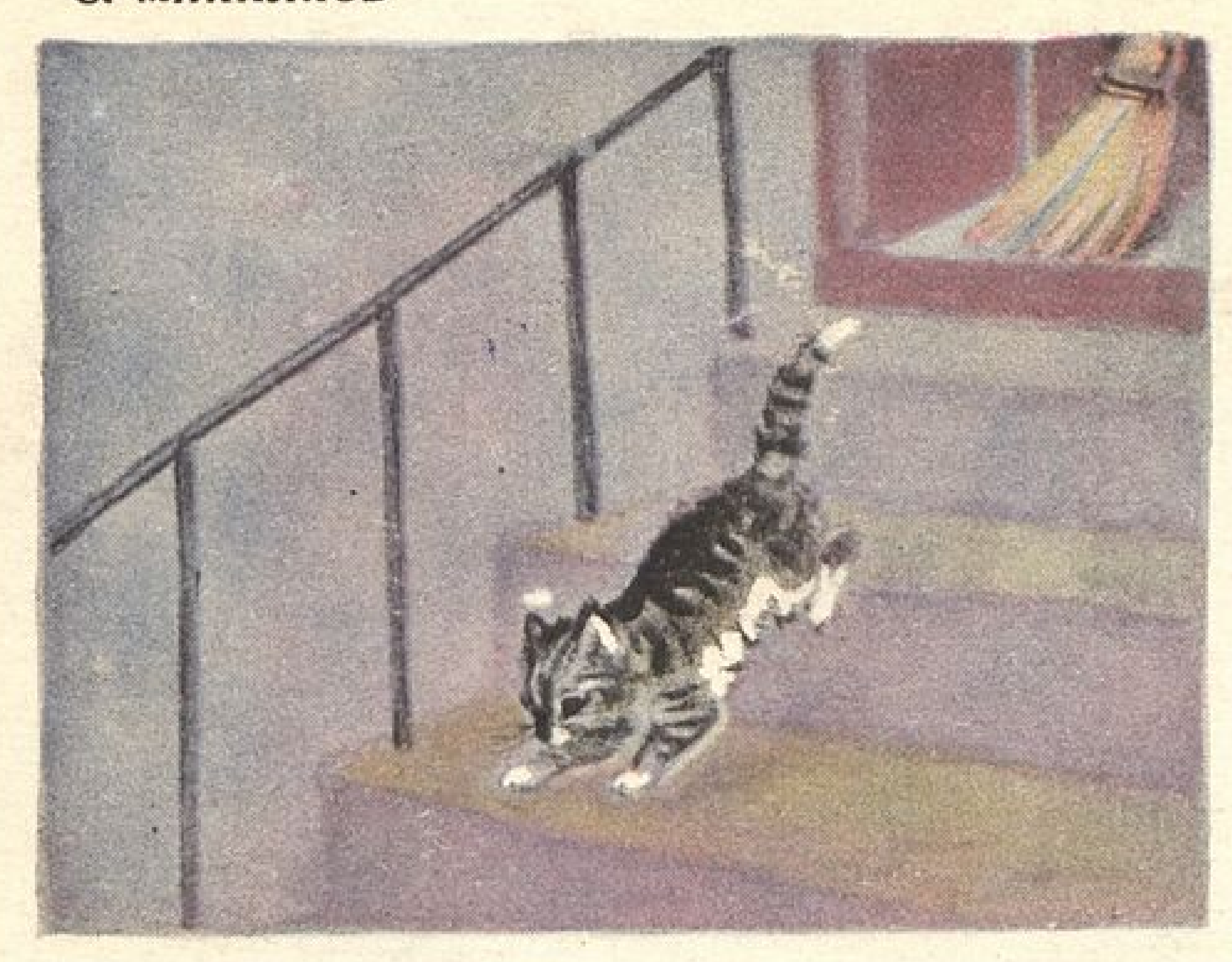
ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ „ПОДПИШИ КАРТИНКИ", ПОМЕЩЁННУЮ В № 2:

Камыш — Мышка, Ракета — Карета, Палка — Лапка, Чайка — Зайка, Лайка — Майка.

Первыми правильные ответы на задачу «Подпиши картинки» прислали: Викулова Валя (Ярославская обл.), Лемаев Гриша (г. Ярославль), Соколова Людмила (г. Няндома), Филимонов Виталий (г. Москва), Куваева Лена (г. Балашиха), Пещанские Галя и Вера (г. Львов).

Дорогие ребята! Напишите в редакцию, какие рассказы, стихи и рисунки вам больше всего понравились в этом журнале. Что вы хотите ещё прочитать и увидеть в нём?

С. МИХАЛКОВ — *Рис. А. ПОРЕТ*

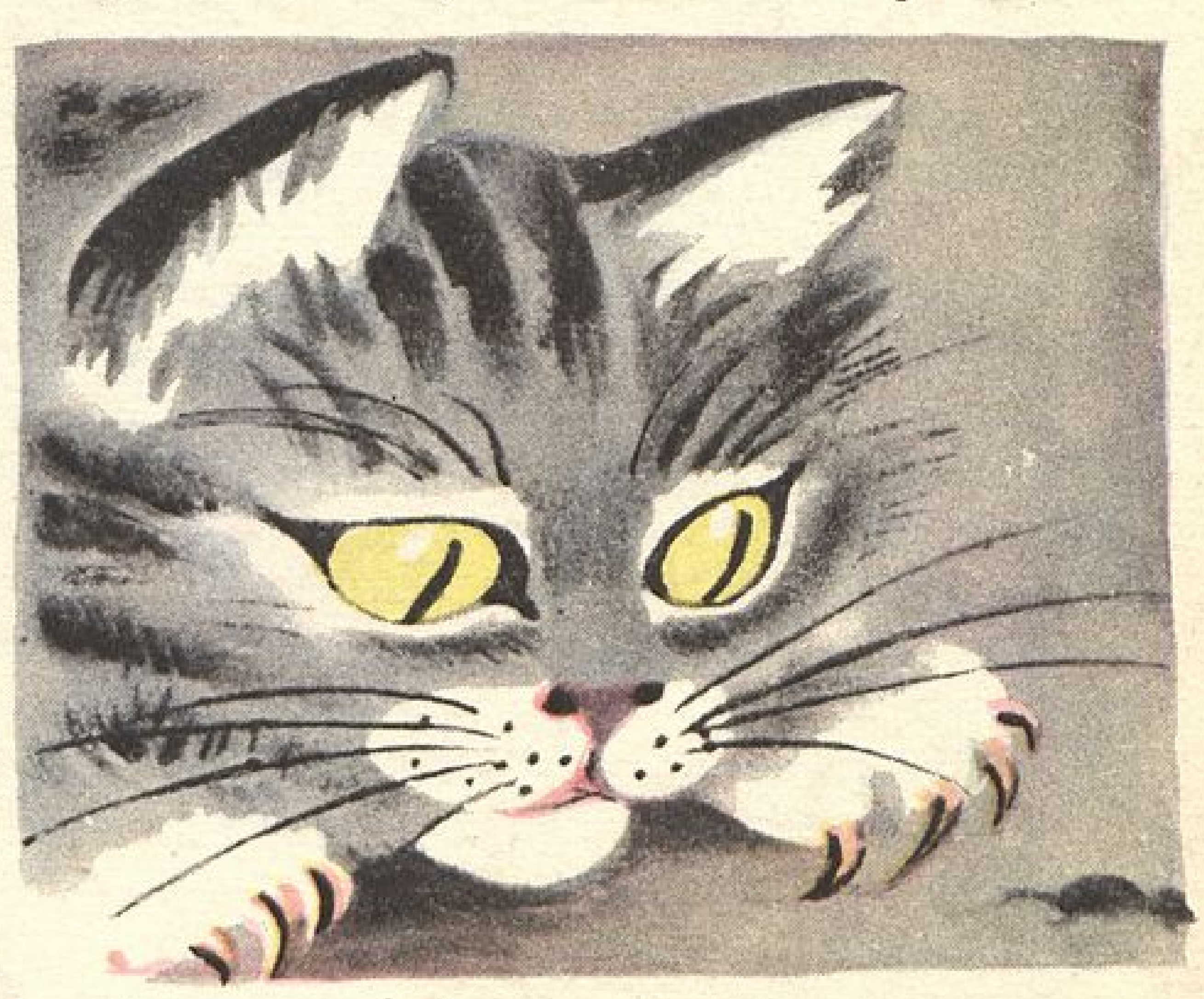
Дедушке кошка в квартире не нравится.

Внучка считает, что кошка — красавица.

Бабушка думает: «Это воришка!»

«Это чудовище!» думает мышка.

— Мало ли что обо мне говорят!
Люди всегда обижают котят...

Рисунок на обложке Д. ШМАРИНОВА

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый | **Цена 1 руб.** | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущевская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 20 IV 1948 г. 15А02141. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в. печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 494.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.